

Илья Стар

ФЕНИКС

Илья Стар

Феникс. Повесть года

«Издательские решения»

Стар И.

Феникс. Повесть года / И. Стар — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902504-3

Эксцентричный русский миллионер, сбежавший в Европу, готовит безумный план, который навсегда изменит современный мир. Захватывающая повесть разворачивается в Праге, Москве, Берлине и в Майами. Сможет ли герой довести авантюру до конца?

ISBN 978-5-44-902504-3

© Стар И.
© Издательские решения

Содержание

1. Шестисотый	7
2. Прага – Москва	11
3. Тофик	13
4. Ужин	17
5. Идея	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Феникс

Повесть года

Илья Стар

© Илья Стар, 2018

ISBN 978-5-4490-2504-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Фéникс (греч. Φοῖνιξ, лат. *phoenix*; возможно от греч. φοῖνιξ, «пурпурный, багряный») – мифологическая птица, обладающая способностью сжигать себя и затем возрождаться. Известна в мифологиях разных культур, часто связывается с солнечным культом. Считалось, что феникс имеет внешний вид, похожий на орла с ярко-красным или золотисто-красным оперением. Предвидя смерть, сжигает себя в собственном гнезде, а из пепла появляется птенец. По другим версиям мифа, из пепла возрождается сам Феникс. Обычно считалось, что Феникс – единственная, уникальная особь своего вида. В метафорическом истолковании Феникс – символ вечного обновления, бессмертия.¹

Ein Teil von jener Kraft,
Die stets das Böse will
Und stets das Gute schafft.
Faust
Ты кто?
Часть силы той, что без числа
Творит добро, всему желая зла.

Перевод Б. Пастернака

Я осведомлен о том, что один известный русский писатель уже использовал данную цитату в качестве эпиграфа для своего романа, хотя, на мой взгляд, в более слабом переводе.

Читатель, спасибо тебе! В наш суматошный век, когда человечество постепенно переходит от чтения книг к просмотру фильмов, а затем и от просмотра фильмов к просмотру роликов на YouTube, мы с тобой – последняя надежда и опора многовековой истории и культуры нашей цивилизации. Цивилизация, которая сегодня вновь стоит перед выбором пути своего дальнейшего развития. Как и наши отцы и деды, а перед ними их отцы и деды, мы снова переосмысливаем понятия добра и зла. И делаем свой выбор.

Двадцатый век был, очевидно, веком переломным в истории человечества. Он принес совершенно невероятный научно-технический прогресс, победил инфекционные болезни, открыл нам путь к звездам и сделал нашу планету намного меньше, чем она традиционно представлялась людям. Печальным фактом является то, что все это произошло во многом благодаря импульсу, данному науке и технологиям двумя самыми страшными в истории войнами.

Были ли эти войны добром или злом для нас? Окончательно разрушив феодализм и положив конец колониальной системе, они фактически сформировали наш мир, таким, какой он

¹ <https://ru.wikipedia.org/wiki/Феникс>

есть сейчас, с компьютерами, реактивными самолетами, антибиотиками и продолжительностью жизни в конце века на двадцать лет дольше, чем в начале. Простая математика показывает, что за каждую потерянную на войне жизнь мы получили двадцать новых, но расскажите об этом матерям и женам погибших на полях сражений.

«Я стал смертью, разрушителем миров», – произнес Роберт Оппенгеймер после испытания первой атомной бомбы. Впоследствии оказалось, что именно ее создание спасает нас уже семьдесят лет от начала новой мировой войны – страх перед уничтожением человека, как вида, охладил даже самых пылких ястребов.

Зло или то, что мы называем злом, ведь неразумная природа его не знает, навсегда остается с нами. Оно заложено в нашем генетическом коде, унаследованном от наших покрытых густой шерстью предков. Оно является нашей частью, так же как падший ангел – Люцифер – был частью Всевышнего, и наша история показывает нам, что без него невозможно движение вперед. Более того, наклеивание каких-либо ярлыков, которое так близко и понятно всем нам, и причисление отдельных событий или людей к лику зла абсолютно бессмысленно, ведь как сказал один герой: «Что русскому хорошо, то немцу – смерть».

Те технологии, которыми мы постепенно овладеваем, это всего лишь технологии. Дубинкой можно рыхлить землю или крушить черепа врагов, мечи можно перековать на орала (здесь не имеется в виду сексуальная практика), а генная терапия может как лечить заболевания, так и создавать цирковых уродцев. В глубине любого из нас каждый божий день идет борьба между добром и злом, и в результате этой борьбы мы, будем надеяться, становимся лучше, вот уже многие тысячи лет.

Так дай же мне руку, читатель, я поведу тебя по странам и континентам и расскажу тебе историю, которая, надеюсь, покажется тебе близкой и занимательной. Любые совпадения имен и мест в ней случайны, и взгляды, высказываемые персонажами, не являются точкой зрения автора (в немалой степени потому, что в отдельных завязших в феодализме странах за высказывание таких взглядов можно получить несколько лет тюрьмы).

Автор чувствует потребность высказать искреннюю и глубокую благодарность своим родителям, подарившим ему это замечательное чудо – жизнь, своим учителям, научившим его читать, писать, считать и критически воспринимать всю поступающую извне информацию, своим друзьям, которые помогали, и своим врагам, которые сделали его сильнее. Автор также признателен великим мыслителям, писателям, философам и политическим деятелям прошлого: Александру Македонскому, Платону, Аристотелю, Чингисхану, Будде, Иисусу из Назарета, Магомету, Ивану Грозному, Олдосу Хаксли, Иммануилу Канту, Карлу Марксу, Адаму Смиту, Ленину, Сталину, Гитлеру, и всем двенадцати миллиардам людей, которые жили до нас на планете Земля и оставили нам свои гены, чтобы мы могли построить из них свои тела, свои тела, чтобы мы могли вырастить пищу и питать наши тела, и свои мысли, чтобы нам не нужно было до всего доходить самим. Без Вас эта книга никогда не возникла бы или была бы совсем другой.

Как сказал один великий китайский философ: «Сложно найти черную кошку в темной комнате, особенно если ее там нет». Как сказал один великий русский писатель: «Сложно сыграть тишину на балалайке». В определенном смысле наша жизнь, как и эта книга, является попыткой сделать то и другое одновременно, и тебе, читатель, судить, насколько это у нас получится.

1. Шестисотый

«Самым успешным терактом в истории человечества безусловно было одиннадцатое сентября двух тысяча первого года. Тысячи мертвых и прямой эфир на весь мир по си-эн-эн», – думал Борис, открывая тяжелую дверь своего старого мерседеса.

«И чего добились его исполнители? Став врагом человечества номер один, что само по себе заслуживает уважения и возможно даже восхищения, Усама принял свою глупую смерть после длительной охоты, которую годами вели на него спецслужбы. О да, он безусловно стал мучеником Аллаха. Вопрос конечно в том, есть ли Аллаху до этого дело. Если конечно весь этот цирк не устроило ЦРУ по заказу Буша с Чейни, чтобы потом удобнее было устроить заварушку на ближнем востоке и погреть руки на нефти».

Осторожно опустив свое тело на водительское сидение, он с наслаждением вдохнул знакомый запах автомобиля, запах кожи, дерева, металла и бог его знает чего еще, который с годами не выветривался, а лишь набирал букет, как хороший коньяк в дубовой бочке.

«Черт его знает, как немцам удается это. Казалось бы, тридцать лет машине, а она все ездит». Повернув массивную шоколадку ключа в замке, он с наслаждением услышал короткий свист стартера, мгновенно перешедший в басовитый рокот двенадцати цилиндрического мотора, обранный посвистом многочисленных инжекторов.

Борис мог позволить себе любой автомобиль, и в его замке в гараже на двадцать машин имелся и Бугатти, и Ламборгини, и Бентли. Но что-то заставляло его время от времени заводить свой старый шестисотый, который он купил, заработав первые большие деньги, в те времена, когда на таком возили еще и Гельмута Коля, и Борю Ельцина.

«А Колль то двинул коня...», – с удовольствием подумал Борис – «Теперь, наверное, в аду с Ельциным договаривается о коррупционных схемах». Воткнув заднюю передачу, он причмокнул, с удовольствием проследив за тем, как из углов багажника, видимых в зеркале заднего вида, при этом медленно вылезли рожки парктроника, помогая следить за габаритами огромной машины.

«Немцы – определенно особенная нация», – думал он, осторожно сдвигая задом из гаража. – «Одни газовые камеры чего стоят. Если это, конечно, не были душевые».

«Но при всем при этом войну они проиграли. Да и как можно было выиграть ее? Если бы против Гитлера стояли бы лишь Англия с Америкой (с Европой он разобрался за полгода)», – не без ехидства отметил Борис, – «он бы еще имел шансы на успех, но атака на дядюшку Йосефа, как между собой называли Сталина Черчилль и Рузвельт, оказалась его решающей ошибкой. Они собственно и вырастили его, чтобы уничтожить Сталина. Теперь о поддержке нацистов в США и Англии не принято говорить, но она безусловно имела место и на общественном, и на государственном уровне. А Суворов вообще теперь пишет, что изначально Сталин собирался напасть на Гитлера первый, поэтому и получилось такое фиаско в сорок первом году – готовились к нападению, а пришлось обороняться».

«Все равно Фюрер сделал для объединения Европы больше, чем кто бы то ни было», – думал он, медленно катя по подъездной дорожке и прислушиваясь к тому, как шины его почти трехтонного автомобиля давят гравий.

Борис родился в СССР и вырос в семье, где бабушка еще девочкой видела Царя в Петербурге, а дед работал в аппарате ЦК в тридцатые годы в секретариате Сталина. Он с малых лет чувствовал себя частью большой истории.

Борис с детства обожал читать, и чтение биографий и художественных романов о величайших людях прошлого подтолкнуло его к решению, что и он мог бы повлиять на историю человечества.

В этих книгах он обратил внимание на то, что никто из великих не обладал действительно уникальным интеллектом или бог весть каким образованием – но это сполна компенсировалось огромными амбициями, уверенностью в своей правоте, большими организаторскими способностями и готовностью работать над делом своей жизни без конца. Как говорила бабушка: «Терпение и труд все перетрут!»

Борис никогда не отличался ложной скромностью, и своими предшественниками полагал Чингисхана, Атиллу, Александра, Наполеона и конечно Гитлера.

Гитлер был фаворитом, поскольку жил недавно и доказал, что и в наше время можно пробовать подчинить своей воле целый мир и весьма успешно, начав при этом с нуля. Взлет нищего ефрейтора, человека без формального образования, собиравшегося стать художником или архитектором и коренным образом изменившим судьбу народов, не мог не вдохновлять.

Кроме того, Советское общество, в котором вырос Борис, считало Гитлера своим величайшим врагом, а Борис считал себя врагом Советского общества и, следовательно, союзником Фюрера в его уничтожении.

К счастью или к несчастью, но на момент развала Советского общества международным капиталом, Борис был слишком молод и неопытен, чтобы принять в данном процессе сколь бы то ни было серьезное участие. Считать серьезным участием походы на Пушкинскую площадь двадцатого апреля или написание сатирических стихов очевидно не приходится.

Вспыхнувшая по распаду советского государства золотая лихорадка захватила Бориса и понесла его на своих волнах, мягко покачивая на заднем сидении мерседеса в шорохе долларовых купюр, под стоны проституток в банях, свист пуль на бандитских разборках и волшебный хай кокса.

Вынырнув из этих вод в двухтысячных в Европе с определенным финансовым багажом, набором очень и не очень приятных воспоминаний и целым букетом хронических заболеваний, Борис неожиданно понял, что он стал значительно ближе к могиле и остался страшно далек от того, чтобы изменить мир.

К тому же им завладела скука. Как сказал один из Американских резиновых баронов: «Вы можете выпить лишь определенное количество виски и выкурить определенное количество сигар. Наличие денег позволяет Вам не ходить на работу, но это же дает Вам массу досуга, который чем-то нужно занимать».

Большинство людей, достигнув финансовой независимости, продолжают делать то, чем они занимались до этого момента, даже не задумываясь над тем, что могли бы этого не делать. Некоторые утверждают, что они продолжают свое дело, потому что им это нравится – Борис считал их лгунами или идиотами. Только ограниченный человек, по его мнению, мог тащиться от открытия все новых казино или от увеличения объема продаж мяса куриц.

Проблема этих людей заключалась в том, что они не могли придумать ничего нового, да и сфера их интересов была узко ограничена тем, чем они занимались ранее. Да, они становились очень богаты, но лишь для того, чтобы ближе к концу, когда уже не оставалось сил что-то менять, оставить все наследникам, которые уже потирали руки, готовясь профукать все нажитое непосильным трудом или, хуже того, подозрительным религиозным сектам или благотворительным организациям.

Борис от нечего делать решил попробовать себя в бизнесе, отличным от того, чем он занимался ранее.

Одним из его проектов стало открытие часовой фирмы в Германии, которая производила часы по старым чертежам для Люфтваффе и Кригсмарине. Занимаясь этим, он еще ближе познакомился с историей третьего рейха, и понял, что то, что сегодня рассказывают детям в школах, часто является весьма однобокой версией правды.

Лениво наблюдая, как медленно открываются ворота на подъездной аллее, Борис подумал, что неплохо было бы переместить датчик освещенности-фотоэлемент ближе к замку, чтобы не приходилось притормаживать и ждать, пока ворота отъедут полностью.

«Еще одно дело, которое мне никогда не сделать», – подумал он с горечью. – «Так мало времени осталось».

«Впрочем, если я проживу еще лет сорок, я возможно и успею увидеть, ведь политика в последнее время сильно помолодела. Как этот француз – извращенец, женившийся на своей учительнице, бррр...»

Поддав газа на повороте на выезде, он с удовольствием услышал протестующий визг задних покрышек и, мягко скорректировав занос поворотом руля, направил мерседес в сторону магистрали. Пару километров до нее нужно было проехать по Радотинскому ущелью, и, повернув направо, Борис в который раз постарался впитать в себя красоту этих скалистых склонов, еще покрытых только начинающей желтеть зеленью деревьев.

Борис ехал в аэропорт, чтобы лететь в Москву. Он не любил Москву, с ее холодом, грязью, лимитой, переставшей осознавать, что она лимита, с ее показным богатством и вечными пробками, с ее улицами, теперь окончательно утратившими тот облик, который он помнил по школьным годам, с беспределом власть имущих и покорным рабством её не имеющих. Собственно, в какой-то момент он прекратил туда ездить вообще, предпочитая приглашать старых друзей к себе в гости.

Так что теперь он ехал туда после большого перерыва, и эта поездка волновала его. Он вспоминал свой дом на Колхозной площади, в нескольких шагах от бывшей Сухаревской башни, где обделывал подозрительные делишки соратник Петра и чернокнижник Яков Брюс

и где жил Борис до второго класса. Он вспомнил и своего деда, который водил его в школу по кривым улочкам и переулкам, по пути декламировавшему ему строчки из «Бородино».

Потом, много позже, после того как дед умер летом восьмидесятого, во время олимпиады, от рака почки, а Борис даже не знал об этом, сидя на даче, он услышал от бабушки, что их прямой предок служил майором в артиллерии при Александре первом и воевал в Бородино.

За двойным окном автомобиля бесшумно пронеслись наполовину скошенные поля. Вся дорога в аэропорт заняла не больше десяти минут, и, въехав на территорию аэропорта, он направился на долговременную стоянку. Он знал, что если его план удастся, то обратно он приедет поездом и машину придется забирать отдельно. Наверное, взять такси было бы экономичней и разумней, но он не мог отказать себе в удовольствии насладиться этим автомобилем, возможно в последний раз. Нежно погладив деревянный руль, он захлопнул дверь и, убедившись, что мерседес заперт и спрятав квиток от парковки в бумажник, поспешил к стеклянному зданию аэропорта Вацлава Гавела.

2. Прага – Москва

Борис любил летать.

Может быть, это было связано с тем, что он закончил Авиационный институт и прекрасно понимал, что это самый безопасный способ передвижения. (Хотя понимая это, Борис не уставал ужасаться тому, что в один прекрасный день ему предстоит сесть в самолет, спроектированный однокурсником, а однокурсники его были все в основном пьяницы и двоечники. Оставалось утешать себя тем, что цикл жизни самолета долгий, и к тому времени, как на рынок доберутся самолеты, конструкторами которых будут его однокурсники, российская авиационная промышленность полностью зачахнет). Так что скорее всего в этой любви проявлялось просто несломленная веками, доставшаяся от предков в наследство, тяга к путешествиям.

Ему нравился взлет, когда ревущая туша самолета, вопреки, казалось бы, всем законам природы, после короткого разбега взмывала вверх, унося его выше и выше, так близко к Богу, как он знал, ему удастся приблизиться в этой жизни.

Он верил в Бога. Не в мстительного Иегову иудеев и не в его Сына христиан. Он верил в то, что в окружающем мире есть определенный принцип, и этот принцип проявляется в том, что спирали галактик и раковины моллюсков закручены в соответствии с одним и тем же правилом золотого сечения.

Вопрос о том, насколько этот принцип является само осознанным и управляет ли он тем, что творится в мире, оставался для Бориса открытым, и строго говоря, мало его занимал.

В определенный момент он просто решил для себя, что то, что он задумал, вполне соответствует замыслу божьему, если таковой замысел у Бога имеется. Замыслом Божьим, по разумению Бориса, было развитие человека и поднятие его на новый уровень, день за днем, через боль и страдание. То, что происходило на земле сегодня, с бесконтрольным ростом населения, с потерей всех моральных ценностей и заменой их ценностями потребления, замыслом божьим быть никак не могло.

Когда он решил вступить в дело и изменить вектор, по которому развивалась цивилизация, ощущение своей правоты было настолько мощным, что оказалось вполне достаточным для того, чтобы обеспечить Борису внутренний мир и силу, чтобы осуществить свой план. А надо сказать, что план у него был стремный, и по стремности своей далеко превосходил планы Александра, Наполеона и Гитлера.

Это в какой-то степени и понятно, ведь эти титаны прошлого руководствовались лишь своим собственным эго, да, пусть гениальным, но в общем-то понятным и простым как по сути своей – стремлению управлять всем, так и по методу реализации – через войну и захват территорий.

Жизнь, проведенная Борисом в размышлениях о том, как оставить след в истории, в совокупности с пресыщенностью всем, что могут дать деньги, привела его к мысли значительно более опасной. Технологический прогресс на рубеже двадцатого и двадцать первого века предоставил ему средства реализации.

Наблюдая за облаками, время от времени открывавшими в разрывах поля и леса того, что уже начиная от границы Чехии с Польшей было когда-то российской империей и после короткого пароксизма империи советской рухнуло и продолжало разваливаться, Борис с наслаждением осознавал, что более не испытывает боли и раздражения от того, что все, созданное его предками потом и кровью по крупницам за последние триста лет, было так глупо растеряно на его глазах.

Национальная идея, так долго владевшая им, уступила место идее более мощной. И эта идея вновь наполнила смыслом его жизнь, и вырвала его из пучины алкоголя, чревоугодия и сладострастия, в которую год за годом он медленно сползал. Она заставила его мозг вновь заработать на полные обороты, как он работал в юности, вначале решая задачи по теории операций на семинарах в институте, а потом применяя их принципы в жестком бое за деньги на полях постперестроечной России.

И сейчас, сидя в узком креслице эконом-класса, зажатый между пожилым итальянцем, видящим во сне предстоящие ему в Москве оргии с путанами, и перезрелой матроной, лениво листающей на айфоне фото из отпуска, проведенного в Праге, Борис чувствовал себя более живым, чем он чувствовал себя за все прожитые пятьдесят лет.

Над выходом вспыхнуло табло «пристегните ремни», и капитан сообщил, что самолет начал снижение. За иллюминатором уже мелькали первые кварталы разросшегося, как раковая опухоль, города. Огромные ровные ряды двенадцатиэтажек постепенно выростали до шестнадцати и двадцатидвухэтажных домов. Москва сильно изменилась с момента, когда Борис родился в ней и рос. Вместо восьми миллионов жителей теперь в ней жили по официальной статистике двенадцать, а по неофициальной и все четырнадцать миллионов. Он отсутствовал в городе своего детства так долго, что теперь, возвращаясь, чувствовал себя не в своей тарелке, да что там, ощущал себя иностранцем, приехавшим, как его далекий предок в Россию при Петре Первом, с целью сорвать побыстрее куш и отправиться восвояси, чтобы никогда больше не возвращаться и лишь рассказывать друзьям о странных обычаях дикой Московии да просыпаться иногда среди ночи от кошмаров о своем путешествии.

3. Тофик

Борис не был в России уже два года и был приятно удивлен тем, что после короткой нервной пробежки по коридорам терминала наперегонки с другими пассажирами, очередь на паспортный контроль оказалась неожиданно короткой и шла довольно быстро.

Сообщив милой пограничнице с толстой русой косой, с которой еще пару лет назад он начал бы флиртовать, и, возможно, добился бы успеха благодаря своей мягкой манере профессора-филолога и ее резкого контраста с внешностью испанского флибустьера, упакованного в тонкий темно синий костюм от Армани и легкие кожаные мокасины от Гуччи, что он на два дня по делам. Получив рассеянную улыбку в ответ и штамп в паспорт, он устремился, минуя ленты для багажа и таможенный контроль, в зал, где он знал, его встречают.

Он узнал Тофика сразу, несмотря на то, что не виделся с ним двадцать лет, и эти двадцать лет были для Тофика очень бурными.

– Привет, Тофа!

– Привет, Борька!

– Ну как ты, дружище?

Притянув друга к себе, Борис сразу почувствовал его запах, запах Лаки Страйк, лосьона после бритья (Тофик был вынужден бриться два раза в день, иначе зарастал щетиной до глаз) и неизменной кожаной куртки, в которой Тофик, казалось, родился, и, видимо, умрет. С годами куртка стала на три размера больше и из турецкой превратилась в дорогую лайку от Черутти, но фасон остался неизменным. От этого запаха у Бориса неожиданно навернулись на глазах слезы.

– Да я отлично -, как всегда немного бравируя своим акцентом и не выпуская Бориса из своих крепких волосатых лап, бубнил ему в грудь Тофик. – Давай, поехали отсюда.

Сопровождающий Тофика молодой иссиня небритый охранник, ростом с Бориса и в полтора раза шире в плечах, робко протянул руку к нему за портфелем.

– Ладно, донесу сам, не тяжелый, – отмахнулся Борис, устремляясь за Тофиком через толпу встречающих к выходу из терминала.

Москва встречала проливным дождем, необычным для этого времени года – в сентябре гроз уже не бывает, скорее начинает иногда моросить ленивый осенний дождик, плачущий по ушедшему лету. Но сегодня лило так, что за десять метров от терминала стояла серая мутная стена воды, и потоки хлестали сразу за бровкой тротуара, унося накопившийся за день мусор вниз по пандусу.

Гелендваген Тофика, украшенный антеннами и кенгурятниками, ждал их под козырьком, но шофер все равно выскочил с зонтиком открывать дверь, видимо, чтобы уберечь хозяина от брызг из под колес проезжающих по пандусу машин.

Ожидая услышать в салоне автомобиля Таркана или хрипловатый блатнячок, Борис был приятно поражен, когда вместо этого гелендваген принял его в свое черное лоснящееся чрево под приглушенный рев Джудас Прист.

– С каких это пор ты начал слушать метал? – поинтересовался он у развалившегося рядом на сидении Тофика.

– Мы видимся раз в двадцать лет, так что я могу тебя встретить твоей музыкой, – дружелюбно оскалился Тофик.

– За двадцать лет музыка, которую я слушаю, могла бы и поменяться, – усмехнулся Борис.

– Ну и что, поменялась?

– Да ты знаешь, часто стал слушать классику.

– Ну, в следующий раз подберу тебе Шопена, если это не нравится, – продолжал паясничать Тофик.

– Спасибо, Тофа, Джудас это то, что надо. Помнишь, как мы им глушили в общаге ботаников? Эдик тогда прибежал, стучит в дверь, орет: «Ребята, мне надо учиться...» А ты ему в ответ: «Тебе, сука, надо лечиться...»

– Да, было время. Эдик, кстати, окочурился недавно. Цирроз.

– Так он вроде не бухал? – изумился Борис.

– Он до третьего курса не бухал, а как ты уехал в Америку учиться, так у всех наших ботаников как крышу сорвало. Это знаешь, как та учительница французского, которая до сорока лет не пила, а потом как-то на банкете один армянин уговорил ее попробовать коньяк, ну и спилась за полгода, – развел руками Тофик.

– Ага, этот армянин еще СПИДом ее заразил, – подначил Борис.

– Ты знаешь, я армяшек не люблю...

– А кого ты любишь? Чеченцев? – хитро подмигнул Борис. Он знал, что с ними Тофик, как любой криминальный бизнесмен, неоднократно вступал в конфликты.

– Евреев я люблю, – не растерялся Тофик. Знаешь, есть у нас такая поговорка: «Где еврей прошел, там армянину делать нечего».

– Ты за словом никогда в карман не лез, – признал Борис.

– Я если лезу в карман, то за кошельком или за пистолетом! Рассказывай, как ты, с кем ты, где ты?

– Да ты все знаешь, е-мое... Живу в Праге, потихоньку спиваюсь. Жду тебя на шашлыки, но ты все не приезжаешь, то ли денег на билет нет, то ли времени для старого друга...

– Да что я не видел в этой Праге? Думаешь, у нас тут шашлыков нет или телок... И еще все в жопу друг друга дрючат, я слышал по телевизору.

– У Вас тут порядка нет, Тофик. И покоя. И в жопу Вас здесь дрючат всех... те, кто у власти.

– Зато у нас не скучно. Как твои дети?

– Звонят, когда им что-то нужно. Великая вещь – деньги. Если бы не они, родственники бы о нас не вспоминали.

– Аминь. Хочешь вискаря? – Тофик шикарным жестом потянул за подлокотник, открывая установленный за задним сидением маленький зеркальный бар с хрустальным графином и двумя стаканами.

– Ты же знаешь, когда ты предлагаешь, мне неудобно отказываться...

Пока Тофик разливал, Борис смотрел в окно, как медленно проплывают мимо бензоколонки, торговые центры и парковки.

– Каждый раз, как я приезжаю в Москву, она все больше похожа на Бангкок...

– Хорошо хоть не на Грозный, – сказал Тофик, протягивая Борису стакан, наполненный на три пальца.

– Видно, ты решил отправить меня вслед за Эдиком, – принимая стакан, притворно нахмурился Борис.

– Давай за тебя и твоих детей!

– Давай лучше за твоих детей, неизвестных и будущих!

Мерседес, расталкивая своей квадратной тушей менее состоятельных и наглых участников движения, втерся в плотный поток машин на Ленинградке.

– Теперь тут пробка двадцать четыре часа в сутки. Помнишь, как мы ездили в Шереметьево попить кофе утром после гулянки? Все остальное закрыто было...

– Ну сейчас-то кофе можно выпить круглосуточно и где угодно...

– Все эти лохи видимо до сих пор об этом не знают, – заржал Тофик, откидываясь на спинку и играя со своим стаканом. – Рассказывай, зачем приехал?

– А вот сейчас доберемся в отель, сядем пообедать, и я тебе все расскажу. Нужно мне, чтоб ты мне помог с одним делом по твоему профилю.

– Профиль у меня, что надо, – сказал Тофик, поворачиваясь к другу боком, чтобы тот мог оценить.

– Ага, прямо как у Мкртчяна из «Мимино», помнишь такого?

– Тофика каждый стремится обидеть, а потом все хотят его помощи... – деланно обиделся азербайджанец, позвякивая кубиками льда.

Тем временем движение набрало темп, и плавно качнувшись на пневмоподвеске, автомобиль остановился под козырьком гостиницы «Советская».

– Не понимаю, Брателло, чего не в «Метрополе»... Или в «Хаятте» у армяшек?

Борис и сам не знал, почему он решил остановиться в этом отеле – наверное, сыграло роль и название, и то, что напротив через Ленинградку находилась шашлычная, которую все знали под названием антисоветская, и где немало было выпито в свое время кислого белого под свиной шашлык... Кто знает, как работает у нас процесс принятия решений... Охранник распахнул дверь, и Борис, вручив Тофику опустевший стакан, шагнул из высокой машины на красную ковровую дорожку.

4. Ужин

Борис никогда ранее в «Советской» не останавливался и был приятно удивлен тем, насколько гостиница оправдала его ожидания. Красные ковровые дорожки, наборный паркет и полированная мебель, в которой отражались блики от колонн из белого мрамора, мгновенно перенесли друзей на тридцать лет в прошлое, когда такие интерьеры были стандартом так называемой обкомовской роскоши.

Ресторан в гостинице назывался «Яр», и хотя это не был «Яр» на Кузнецком, в котором бывал Пушкин, или «Яр» в Петровском парке, где так любил гулять Есенин, менеджмент усиленно пытался воссоздать атмосферу купеческого разгула в царской России.

Устраиваясь в бархатном кресле за столиком в самом углу зала, откуда открывался вид через двухъярусные окна на все еще частично скрытый дымкой дождя Ленинградский проспект, плотно запруженный машинами в обоих направлениях, Тофик радостно скалился, почесывая заросший щетиной подбородок.

– Смотри, уютно сделано, прям как у меня на даче на Рублевке: лепнина, позолота...

– Ага, ковров только на стенах не хватает, – съехидничал Борис, принимая бардовую кожаную папку меню из рук официанта, одетого в малиновые шаровары и косоворотку.

Борис любил русскую кухню, считал ее одной из самых разнообразных в мире и получал настоящее удовольствие, читая меню.

– Ну что, Тофик, для начала солянка рыбная?

– Я лучше возьму борщ, посмотрим, кто его готовит лучше, моя жена или они.

Тофик был женат уже в третий раз, снова на хохлушке. Все его жены прекрасно готовили, были сдобными блондинками маленького роста с большими сиськами и имели коэффициент интеллекта на уровне чихуахуа. Борис не понимал ни первого (Тофик давно содержал повара), ни второго (сам он предпочитал высоких евреек-манекенщиц), но с уважением относился к третьему – в вечном бое, которым Борис считал брак, было бы недальновидно подбирать себе интеллектуально сильного партнера.

– Врежем «Смирновки» под супчик? – поинтересовался он у Тофика.

– Конечно, врежем, возьмем пол-литра для начала. На горячее я буду шашлык по-царски, а ты чего?

– А я возьму стерлядь по-купечески, под водку она должна отлично пойти! И давай еще соленья закажем, грибы там, капусту...

Сделав заказ подошедшему официанту, Борис откинулся на спинку кресла и, любуясь игрой света от огромной люстры на хрустале бокалов на столе, сказал Тофику: «Я, собственно, к тебе с просьбой, и на этой просьбе мы оба сможем неплохо заработать».

– Заработать я всегда за, ты меня знаешь, Борька.

Борис знал, что заработать Тофик готов всегда. И главное, он знал, что на пути за наживой Тофика не остановит ничто – ни закон, ни мораль, ни страх – поэтому и достиг он того, чего достиг. Начав с торговли семейной хурмой на центральном рынке и грабежом грузовиков со сникерсами и алкоголем, он за тридцать лет построил империю из десятков предприятий розничной торговли, общепита, борделей, ломбардов, построил себе загородные дома на Рублевке и в Сочи, шикарные квартиры в Крылатском. Но главное – он добился огромного уважения и связей в азербайджанской общине, одной из самых влиятельных и криминогенных в России.

– Мне нужно кое с чем помочь, Тофик, – сообщил приятелю Борис, разливая по первой (официанта он сразу отпустил, потому что разливать любил сам, знал сколько ему и собутыльнику точно надо в каждой рюмке).

– Что же тебе нужно, дружище? – Поднимая вверх свою рюмку и цепляя на вилку маринованный белый гриб, поинтересовался Тофик.

– Давай выпьем! Наш традиционный, за нас с Вами и за... с ними! – ответил Борис.

– Чтобы у нас все было и нам за это ничего не было! – подхватил Тофик, перекосившись, опрокинул рюмку так, что его большой нос на мгновение коснулся нижней губы и смачно закусил грибом.

– Мне нужно кое-что от ФСБ, Тофик, – сообщил Борис, наблюдая за реакцией друга.

Тофик на минуту перестал жевать, и его большие карие глаза широко распахнулись, а длинное лицо, казалось, вытянулось еще больше, делая его немного похожим на барана.

– Ты, наверное, шутишь, мой друг? По-другому нельзя решить вопрос?

– Ну, дело в принципе пустяковое, – успокоил его Борис, разливая по второй. – Как борщ?

– Бориска, ты не перестаешь меня удивлять! Борщ нормальный, но у моей лучше. Давай, рассказывай, что тебе нужно.

– Мне надо ознакомиться с одним документом из их архива, у меня есть его номер.

– Бля, я не могу, я сдохну, – поперхнулся супом Тофик. – Ты прикалываешься над своим старым другом.

– Ага, прилетел специально над тобой прикалываться. Давай вмажем по второй, пока горячее не принесли.

– Ты себе вообще представляешь, как там все охраняется? Ты был там, внутри? – Опрокинув рюмку, Тофик не стал закусывать.

– Честно говоря, не был, бог миловал, подмигнул ему Борис, наматывая кислую капусту на вилку как спагетти. Но можем сходить вместе, если хочешь.

– Ага, прямо сейчас поедим и поедем. На десерт, так сказать. У тебя, наверное, начинается Альцгеймер или Паркинсон. Там, наверняка, камер понатыкано, и если Тофик Мусадов там появится незадолго до того, как оттуда что-то стырят, даже самые тупые ФСБшники прикинут х... к носу.

– Верно, я не подумал о том, что ты у нас лицо публичное. Но ты не понял, мне не нужно украсть документ, мне нужно просто, чтобы мне дали на него посмотреть.

– В Госдуму буду баллотироваться, не хухры-мухры. Думаю, я смогу устроить, есть там у меня человек. Если, конечно, это не государственная тайна.

– Тайны никакой, должен быть в открытом доступе.

– Конечно, помогу, в чем вопрос... Позвоню тебе, как только будет ясность.

В этот момент официант подал им горячее. Приятно пообщавшись на темы, которых так много бывает у друзей после долгой разлуки, они расстались, когда уже стемнело, и Борис, оплатив счет и проводив Тофика до машины, помог охраннику посадить его, изрядно набравшегося, в салон Гелендвагена.

Вернувшись в номер, он плюхнулся в кресло с бархатной обивкой и, чувствуя приятное возбуждение от выпитого спиртного и встречи со старым товарищем, начал восстанавливать в памяти череду событий, которая, в конце концов, привела его в Москву.

5. Идея

Борис всегда был человеком дела. Он мог проводить в праздности какое-то время, но в глубине его сознания все время шла напряженная работа, какая-то часть мозга без устали играла с новой информацией, поток которой был очень широк. И поскольку делать ему было нечего, он проводил долгие часы в изучении новостей из самых разных отраслей: медицины, биотехнологий, компьютеров, бизнеса и финансов, политики, социологии, авиации и космонавтики.

Получая информацию, он постоянно сопоставлял ее с тем, что уже было ему известно, и, систематизируя свои знания, пытался обнаружить в них что-то, что еще не успел найти никто или нашли лишь немногие. Во-первых, такая находка могла принести хорошие деньги, а во-вторых, ему просто нравился сам процесс.

В оригинальных идеях никогда не было недостатка. Сложности начинали возникать в ходе планирования реализации, зачастую потому, что любой план требовал больших усилий, долгого времени, которого с каждым днем становилось все меньше, а главное – полученный в конце результат совершенно не обязательно побуждал его к тому, чтобы всем этим заниматься в течение долгих лет.

Много времени он посвятил изучению вопроса продления человеческой жизни – в последнее время становилось все более похоже на то, что серьезный прорыв уже не за горами, что после расшифровки генома человека следующим логическим шагом станет обнаружение участков, отвечающих за старение, и последующее внесение в эти участки изменений. Однако, все эти исследования требовали очень серьезного финансирования, создания целых научно-исследовательских институтов да и, не в последнюю очередь, глубокого понимания вопроса, подразумевавшего, прежде всего, наличие соответствующего образования. Купив учебник по генетике, Борис понял, что хотя многое из того, что там написано, понятно ему сразу и без усилий, чтобы разобраться в остальном, могут уйти годы, и потребуется дополнительно основательно заняться органической химией, а так же фармакологией и биологией. Брать же на себя роль администратора, до конца не понимающего, чем занимаются его подчиненные, или финансиста, организовывающего сбор средств для научных исследований, ему не хотелось. Главным образом потому, что он понимал, что конкуренция в этой области очень серьезная, занимаются этим вопросом десятки, если не сотни организаций, и никакой уверенности в том, что к финишу придешь первым, нет и быть не может. Так что идея подарить человечеству бессмертие, хотя и очень красивая, была в свое время отвергнута.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.